

БРЭМ СТОКЕР

ГОСТЬ ДРАКУЛЫ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С81

Серия «Эксклюзивная классика»
Перевод с английского
Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Стокер, Брэм.
С81   Гость Дракулы : [сборник : перевод с англий-
ского] / Брэм Стокер. — Москва : Издательство
АСТ, 2026. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-179888-8

В данный сборник вошли леденящие кровь истории о зловещем призраке судьбы, вот уже сто лет обитающем в заброшенном доме, о кошке, нашедшей способ отомстить убийце своего единственного котенка, о жестоком предсказании цыганки и о любовном треугольнике, разрешившемся неизбежной трагедией. Ну а гвоздем сборника стала исключенная из окончательной версии текста глава «Дракулы», повествующая об опасных приключениях, выпавших на долю одного молодого англичанина, оказавшегося в Вальпургиеву ночь в заснеженном лесу неподалеку от Мюнхена...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-179888-8

© Перевод. Л. Брилова, 2025
© Перевод. А. Бродоцкая, 2025
© Перевод. В. Тулаев, 2025
 Школа перевода В. Баканова, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Моему сыну

ПРЕДИСЛОВИЕ

За несколько месяцев до кончины, когда над ним уже сгушалась тень смерти, мой бедный муж строил планы издания трех сборников рассказов. Настоящая книга — один из них. Я взяла на себя смелость добавить к выбранным им историям ранее не публиковавшийся фрагмент лучшего произведения — «Дракула». Первоначально его исключили из книги в связи с большим ее объемом, однако он может оказаться небезынтесным для многих читателей. Прочие рассказы ранее появлялись в европейских и американских журналах. Скорее всего муж решил бы кое-что в них изменить, ибо созданы они были в ранние годы его кипучей жизни, но увы — до публикации он не дожил. Тем не менее, раз уж судьба вверила мне издание книги, я сочла уместным оставить рассказы в том виде, как он их в свое время написал.

Флоренс Брэм Стокер

ГОСТЬ ДРАКУЛЫ

Когда мы собирались на прогулку, солнце ярко сияло над Мюнхеном, и воздух был наполнен радостным предвкушением лета. Мы уже были готовы отправиться в путь, когда герр Дельбрюк, метрдотель гостиницы «Quatre Saisons»*, где я остановился, подошел с непокрытой головой к нашей коляске, пожелал мне приятной прогулки и, держась за ручку дверцы, сказал кучеру:

— Не забудь, вы должны вернуться засветло. Небо кажется ясным, но ветер северный, холодный — значит, может внезапно начаться буря. Впрочем, ты не припозднишься, я уверен. Тут он улыбнулся и добавил: — Ты ведь знаешь, что за ночь сегодня.

Иоганн ответил подчеркнуто выразительно: «Ja, mein Herr»**, — коснулся рукой шляпы, и коляска быстро тронулась с места. Когда мы выехали из города, я подал знак остановиться и спросил:

— Скажи, Иоганн, что сегодня за ночь?

Он перекрестился и ответил лаконично:

---

* Четыре времени года (*фр.*).

** Да, мой господин (*нем.*).

— Walpurgis Nacht*.

Потом он вынул свои большие серебряные часы — старомодную немецкую луковицу — и стал смотреть на них, сдвинув брови и нетерпеливо дергая плечами. Я понял, что таким образом он вежливо протестует против ненужной задержки, и откинулся на спинку сиденья, знаком предложив ему продолжить путь. Он погнал лошадей, словно стараясь наверстать потерянное время. Лошади время от времени вскидывали головы и, казалось, с опаской нюхали воздух. Вслед за ними и я стал осматриваться в тревоге. Путь проходил по довольно унылой местности: мы пересекали высокое, открытое ветрам плато. Сбоку я заметил дорогу, на вид мало наезженную, которая нырляла в небольшую извилистую долину. Выглядела она так заманчиво, что я, рискуя рассердить Иоганна, крикнул, чтобы он остановился. Когда он натянул вожжи, я сказал, что хочу спуститься этой дорогой. Он никак не соглашался, часто крестясь во время речи. Это подстегнуло мое любопытство, и я принялся расспрашивать его. Иоганн отвечал уклончиво и несколько раз взглядывал на часы в знак протеста. Наконец я сказал:

— Что ж, Иоганн, я хочу спуститься этой дорогой. Я не заставляю тебя туда ехать, но по крайней мере объясни, почему ты отказываешься, — это все, что я желаю знать.

Мне показалось, что он свалился с козел: так быстро спрыгнул на землю, — потом умоляюще протянул руки

---

* Вальпургиева ночь (нем.).

и стал заклинать меня отказаться от своего намерения. В его речи к немецким словам было примешано достаточно английских, чтобы понять общий смысл. Он как будто старался донести до меня какую-то мысль, которой отчаянно страшился, и потому ни разу не выговорил ее до конца и только повторял крестясь: «Walpurgis Nacht!»

Я пытался возражать, но трудно спорить с человеком, не зная его родного языка. Преимущество, несомненно, было у Иоганна, потому что, заговорив на английском, очень ломаном и примитивном, он от волнения тут же сбивался на свой родной язык. При этом он то и дело взглядывал на часы. Лошади вновь забеспокоились и принялись нюхать воздух. Иоганн сильно побледнел, испуганно оглядываясь, неожиданно прыгнул вперед, схватил лошадей под уздцы и отвел их в сторону футов на двадцать. Я пошел следом и спросил, зачем он это сделал. В ответ он осенил себя крестом, указал на место, которое мы покинули, потянул коляску в сторону поперечной дороги и произнес, сначала по-немецки, а потом по-английски:

— Здесь хоронили — кто себя убивал.

Я вспомнил старый обычай хоронить самоубийц на перекрестье дорог.

— А! Понял! Это самоубийца. Любопытно.

Одного я, хоть убей, не мог понять, почему так испуганы лошади.

Во время разговора мы слышали звуки, напоминавшие то ли повизгивание, то ли лай. Они доносились издалека, но лошади очень встревожились, и Иоганну

пришлось вновь и вновь их успокаивать. Он был бледен. Наконец он проговорил:

— Похоже на волка — но сейчас здесь нет волков.

— Что значит «сейчас»? — спросил я. — Ведь волки уже давно не встречаются так близко от города?

— Это когда весна и лето — давно, а когда снег — не так давно.

Пока Иоганн оглаживал лошадей, пытаясь успокоить, по небу быстро понеслись темные облака. Солнце скрылось, и дохнуло холодом. Правда, это было всего лишь дуновение — не реальность, а скорее предупреждающий знак, потому что солнце тут же засияло снова. Иоганн из-под ладони оглядел горизонт и произнес:

— Снежная буря. Будет здесь очень скоро. — Он снова взглянул на часы и тут же, крепко удерживая поводья (ибо лошади по-прежнему беспрестанно били копытами и встряхивали головами), взобрался на козлы, словно настало время продолжить нашу поездку. Мне захотелось поупрямиться, и я не сразу сел в коляску.

— Скажи, — спросил я, — куда ведет эта дорога? — Я указал вниз.

Иоганн опять перекрестился, забормотал молитву и только после этого ответил:

— Там нечисто.

— Где?

— В деревне.

— Значит, там есть деревня?

— Нет-нет. Там никто не живет уже сотни лет.

Это лишь подстегнуло мое любопытство.

— Но ты сказал, что там деревня.

— Была.

— А где она теперь?

В ответ Иоганн разразился длинной историей на такой дикой смеси немецкого и английского, что я не вполне его понимал. В общем, я сделал вывод, что очень давно, сотни лет назад, люди там умерли и были положены в могилы, но из-под земли слышались звуки, а когда вскрыли могилы, то нашли там мужчин и женщин, румяных, как живые, а их уста были красны от крови. И вот, спасая свои жизни — и души (он перекрестился), опрометью бежали остальные в другие места, где живые живы, а мертвые мертвы, а не... не иначе. Заметно было, как он боялся произносить последние слова. Он продолжал рассказ, все более волнуясь. Казалось, воображение им полностью завладело, и в конце концов страх обратился в смертельный ужас. Бледный, взмокший, дрожащий, Иоганн оглядывался вокруг, будто ожидая, что присутствие чего-то страшного проявится здесь, при ярком солнечном свете, на открытой равнине. Наконец он отчаянно вскричал: «Walpurgis Nacht!» — и указал на коляску, чтобы я сел в нее. Моя английская кровь вскипела, и, отступив, я произнес:

— Ты трусишь, Иоганн, трусишь. Отправляйся домой — я вернусь один. Прогулка пойдет мне на пользу.

Дверца коляски была открыта. Я забрал с сиденья дубовую трость, которую всегда беру с собой во время воскресных вылазок, и захлопнул дверцу. Указывая в сторону Мюнхена, я сказал:

— Отправляйся домой, Иоганн. Walpurgis Nacht к англичанам отношения не имеет.

Лошади вели себя еще беспокойнее, чем прежде, и Иоганн старался удержать их, при этом отчаянно умоляя меня не поступать так глупо. Мне было жаль беднягу, который искренне верил в то, что говорил, но в то же время я не мог удержаться от смеха. Познания в английском ему окончательно изменили. В волнении он забыл также, что я его пойму, только если он будет говорить на моем родном языке, и продолжал тараторить на немецком. Это начало меня утомлять. Я бросил ему: «Домой!» — и повернулся, собираясь спуститься поперечной дорогой в долину.

С жестом отчаяния Иоганн развернул лошадей в сторону Мюнхена. Я оперся на трость и стал смотреть ему вслед. Он медленно ехал вдоль дороги; потом на вершине холма появился какой-то высокий тонкий человек. Это было все, что я сумел рассмотреть на таком расстоянии. Когда незнакомец приблизился к лошадям, те начали шархаться и брыкаться, потом испуганно заржали. Иоганн не мог их удержать: они понеслись по дороге в безумной скачке. Я следил за ними, пока они не скрылись из виду, потом поискал взглядом незнакомца, но он тоже исчез.

С легким сердцем я повернулся и начал спуск по покато му склону в долину, куда отказывался ехать Иоганн. Я не находил ни малейшего основания для его отказа. Часа два я шел пешком, ни о чем не думая, и — могу сказать определенно — не встретил по дороге ни живой души, ни жилья. Что касается окрестности, то трудно было вообразить себе место более заброшенное. Но я этого не замечал, пока, пройдя изгиб дороги,

не оказался на неровной лесной опушке, и только тут понял, что окружающее запустение подсознательно на меня влияло.

Я сел отдохнуть и стал оглядываться окрест. Как я отметил, с начала прогулки успело сильно похолодать. Вокруг чудились звуки, напоминавшие вздохи. Над головой время от времени раздавался приглушенный шум. Подняв глаза, я обнаружил, что высоко в небе быстро перемещаются с севера на юг большие плотные облака. В верхних слоях атмосферы замечались признаки приближавшей бури. Я немного озяб. Объяснив это тем, что засиделся после быстрой ходьбы, я возобновил прогулку.

Теперь мой путь пролегал по гораздо более живописной местности. Взгляд не выделял ничего примечательного, но очарование присутствовало во всем. Я не следил за временем, и только когда сгущавшиеся сумерки уже нельзя было не замечать, задумался о том, как найду дорогу домой. Яркий дневной свет померк. Воздух обжигал холодом, движение облаков над головой усилилось. Оно сопровождалось отдаленным мерным гулом, через который иногда прорывался тот таинственный крик, который кучер назвал волчьим воем. Я немного поколебался, но согласно своему первоначальному намерению решил все же взглянуть на брошенную деревню и вновь двинулся вперед. Вскоре я набрел на обширный открытый участок, со всех сторон зажатый холмами. Их склоны были одеты деревьями, которые спускались на равнину и группами усеивали попадавшиеся там небольшие косогоры и ложбины.

Я проследил глазами извивы дороги и обнаружил, что она делает поворот рядом с группой деревьев, одной из самых густых, и далее теряется из виду.

Я ощутил в воздухе пульсирующий холод; начал падать снег. Подумав о милях и милях открытой местности, оставшихся позади, я поспешил укрыться в лесу. Небо темнело, снегопад становился все гуще, пока не покрыл землю блестящим белым ковром, край которого терялся в туманной мгле. Дорога здесь была в плохом состоянии. Там, где она прорезала возвышенный участок, края ее еще были заметны, но когда я достиг ровного места, то вскоре обнаружил, что, должно быть, сбился с пути. Ноги ступали по мягкой земле, все более увязая во мху и траве. Ветер задувал все сильнее, и мне пришлось бежать. Ударил мороз, и я начал мерзнуть, несмотря на то что двигался быстро. Снег теперь падал сплошной стеной и завихрялся вокруг меня, так что я почти ничего не видел. Время от времени небеса прорезала яркая вспышка молнии, и в эти моменты я различал впереди множество деревьев, главным образом тисов и кипарисов, плотно укутанных снегом.

Скоро я оказался под защитой стволов и крон. Здесь было сравнительно тихо, и я улавливал шум ветра высоко над головой. Вскоре мрак бури был поглощен темнотой ночи. Постепенно буря слабела; не утихали только свирепые порывы ветра. В такие минуты казалось, что странным звукам, напоминавшим волчий вой, вторят схожие звуки вокруг меня.

Снова и снова черную массу несущихся облаков пронизал лунный луч и освещал окрестности. Я раз-

глядел, что нахожусь на опушке густой рощи из кипарисов и тисов. Когда снегопад прекратился, я вышел из укрытия и начал более детальную разведку. Я подумал, что, поскольку по дороге мне часто встречалось разрушенное жилье, стоило бы поискать себе временное убежище, пусть даже плохо сохранившееся. Огибая рощу, я обнаружил, что она обнесена низкой стеной, и вскоре наткнулся на проход. Кипарисы здесь образовывали аллею, которая вела к какому-то массивному сооружению квадратной формы. Но тут стремительные облака снова скрыли луну, и путь по аллее я проделал в темноте. Ветер сделался еще холоднее: по дороге меня охватила дрожь, — но я надеялся найти защиту от непогоды и продолжал вслепую двигаться вперед.

Вдруг я остановился, пораженный внезапной тишиной. Буря улеглась, и в унисон с молчанием природы мое сердце словно перестало биться. Но это продолжалось какое-то мгновение. Лунный свет неожиданно пробился сквозь облака, и я увидел, что нахожусь на кладбище, а квадратное сооружение впереди оказалось массивной мраморной гробницей, белой как снег, который окутывал ее и все вокруг. Одновременно раздался свирепый вздох бури: она как будто возобновилась. Этот звук походил на протяжный низкий вой стаи собак или волков. Я был потрясен и испуган; в меня все глубже проникал холод, грозя достичь самого сердца. Поток лунного света по-прежнему падал на мрамор гробницы; буря, судя по всему, разыгралась с новой силой. Словно зачарованный я приблизился к усы-